

Вэй Чэн и Горшочек остановились перед невысокими воротами скромного подворья. Стоило юноше постучать, как из-за забора донесся зычный, бодрый голос:

— Не заперто, заходите!

Едва они переступили порог, как в нос ударил резкий, тяжелый запах сырых шкур. Сделав еще пару шагов, братья увидели, что весь дворик — от колодца до самых стен — забит растянутыми на просушку мехами. В основном это были серо-белые кроличьи шкурки, но попадались и огненно-рыжие лисьи.

Приземистый старик, сидевший на корточках среди мехов, мельком глянул на неожиданных гостей:

— Вы кто такие? И зачем пожаловали?

— Мы из деревни Маоси, — почтительно отозвался Вэй Чэн. — Нас прислал лекарь Цяо. Сказал, что у вас мы сможем обучиться искусству счёта.

Старик окинул их оценивающим взглядом:

— А, так это про вас говорил Цяо Чжэн. — Он поднялся и отряхнул ладони. — Коли запаха не боитесь, подходите ближе.

Запах во дворе был не то чтобы зловонным, но свежая кровь и сырая кожа пахли так густо, что дух захватывало. Старший брат украдкой взглянул на Горшочка. Малыш хоть и забавно сморщил носик, но уходить не просился. Видя это, Вэй Чэн смело подошел к старому ученику.

Тот усмехнулся:

— Гляди-ка, и впрямь не боятся. А этот малец Цяо, как ни придет, вечно нос воротит да норовит сбежать поскорее.

Старик расспросил их об именах, а после неспешно протянул:

— И чего вам дома не сидится, землю не пашется? Зачем вам эти счёты сдались?

— Мне посчастливилось попасть в школу Хуэйлинь на соседней улице, — ответил Вэй Чэн. — Но учење стоит дорого. С наших двух му за вычетом налогов мы едва ли сможем прокормиться. Поэтому я решил, что буду учиться и одновременно налаживать небольшое

дело. Лишнее знание в тягость не будет, да и люди знающие не смогут так просто нас обмануть.

Хозяин подворья, видимо, уже слышал от лекаря об их судьбе, а потому не стал расспрашивать о родителях.

— Коли надумал просто овощи да дрова продавать, — заговорил он, — то и счёты тебе ни к чему. Я научу тебя «Песни девяти девяток», зазубришь её — и хватит. Но если метишь в большие дела, «Песнь» — это так, детские забавы. А вот если научишься на счётах ловко работать, считай, ремесло на всю жизнь в руках будет. Даже если грамоту забросишь, всегда в городе место счетовода найдешь. Хороший счетовод в месяц пол-ляна серебра получает, а если с хозяином повезет, то и все десять-двенадцать лянов в год выйдет.

Вэй Чэн, недолго думая, протянул наставнику гостинцы:

— Прошу вас, уважаемый мастер, обучите нас с братом.

Старик перевел взгляд на Горшочка. Кроха, смысленый и подвижный, вовсю вращал черными глазками, разглядывая всё вокруг. Мастер чуть наклонился к нему:

— Ты тоже хочешь учиться?

— А считать — это весело? — тихонько спросил Горшочек.

Старый ученик погладил длинную белую бороду:

— Весело, еще как весело. Уж всяко интереснее, чем целыми днями бубнить книжные премудрости.

Услышав, что это интереснее школы, малыш тут же просиял:

— Тогда Горшочек тоже хочет!

Старик добродушно рассмеялся:

— Идите в дом, там не так воняет. Я сейчас закончу с делами и научу вас основам «Песни девяти девяток».

— Что вы, мастер, — Вэй Чэн тут же положил свертки на каменный стол. — Позвольте, я вам помогу.

Младший брат не отставал:

— Горшочек тоже поможет!

Он присел на корточки и осторожно коснулся пушистой шкурки:

— Это... кроличья шерстка. — Затем ткнул в рыжий мех, которого никогда прежде не видел: — А это чья шерстка?

— Это лиса. Дорогая штука, между прочим.

Старик не стал отказываться от помощи. Он взял деревянный гребень и принялся осторожно расчесывать мех, вычищая сор и лишний пух. Вэй Чэн подхватил другой гребень и стал повторять за ним. Он действовал медленно и бережно, боясь повредить ценный товар. Пока он вычищал одну шкурку, мастер успевал обработать пять.

Горшочек тоже нашел себе дело: не боясь ни пыли, ни резкого запаха, он прилежно собирал вычесанный пух в одну кучу, семена следом за взрослыми.

Братья так увлеклись работой, что не заметили, как старик исподтишка наблюдает за ними, довольно кивая и пряча улыбку в бороде.

К обеду со всеми шкурками было покончено. Мастер ненадолго отлучился и вскоре вернулся с тяжелым коробом в руках. Увидев, как преобразился его двор, он замер. Меха были аккуратно рассортированы: серые — в одной стопке, белые — в другой, а драгоценные лисьи шкурки бережно сложены на возвышении. Даже в углах было чисто выметено.

— Чэн-эр, Горшочек, будет вам мести, — позвал старый ученик. — Идите к колодцу, вымойте руки и садитесь за стол.

Вэй Чэн, зная правила приличия, замялся:

— Что вы, мастер, уже поздно, нам пора домой...

— Оставьте эти пустые церемонии! — Хозяин поставил короб на стол. — Вы мне так помогли, неужто я вас обедом не накормлю?

Юноша хотел было возразить, но мастер притворно рассердился:

— А ну живо мыть руки! Коли откажетесь от обеда, я вас и счётам учить не стану.

Делать было нечего. Вэй Чэн достал воды из колодца, налил в лохань и принялся тщательно оттирать ручки брата. Старик даже дал им немного мыльного порошка, который тут же взбился в пышную пену.

Малыш, глядя на белые хлопья на ладошках, восторженно запищал:

— Братик, Горшочек снова вкусно пахнет!

Вэй Чэн невольно улыбнулся. Малютка хоть и мал, а всё понимает: перед уходом из дома брат смазал ему руки персиковым бальзамом, но после возни с пахучими шкурками от нежного аромата не осталось и следа. И Горшочек ведь ни разу не пожаловался на вонь.

Они трижды вымыли руки, прежде чем войти в дом. Внутри было так же скромно, как и в их хижине: старый стол, лежанка-кан да голые стены. Странно, ведь старик явно вел прибыльные дела с мехами.

— Чего застыли? — Мастер разложил палочки. — Садитесь.

Юноша усадил Горшочка и сел сам. Стол ломился от яств, каких они и в помине не видели: сочная свинина в кисло-сладком соусе; нежная, тающая во рту рулька, нарезанная тонкими ломтиками, с чашечкой чесночной приправы; прозрачные ломтики огурца, обжаренные с орехами; и золотистый сладкий картофель «Золотые нити», весь в тягучей карамели. И, наконец, венчал обед молочный десерт из овечьего молока, посыпанный сахарной пудрой и украшенный алыми плодами зизифуса.

Такое пиршество в этой лачуге казалось чем-то невообразимым.

Старик налил себе вина:

— Ешьте, не стесняйтесь. Нам ведь еще счётами заниматься.

— Простите, мастер, вам это, верно, дорого обошлось, — смущенно проговорил Вэй Чэн.

— Дорого? Да пустяки! — Хозяин пригубил вина и улыбнулся: — Я и сам так обедаю, просто сегодня велел добавить пару сладких блюд для вас, мелюзги.

Видимо, десерт и сладкий картофель он заказал специально для них.

Братья ели с огромным аппетитом. Особенно Горшочек — он так увлекся «Золотыми нитями», что сахарные нити липли к его крошечным зубкам, а сам он только радостно мотал головой от восторга. Видя, как жадно ест малец, старик и сам с удовольствием умял полчашки риса.

Вскоре после обеда пришел посыльный из ресторана, чтобы забрать пустой короб. Вэй Чэн заметил, что мастер говорит с ним как со старым знакомым. Стало ясно, почему в доме печь стояла холодная.

— В нашем деле с мехами на месте не сидится, — словно прочитав его мысли, неспешно пояснил старый ученик. — Сегодня в Фэнъяне, завтра в Ючжоу, а послезавтра, глядишь, с караваном на юг пойдешь. Посуду у меня один раз воры утащили, с тех пор я и не завожу новую — незачем.

— Понимаю, — кивнул Вэй Чэн.

Старик достал откуда-то потрепанную книгу без обложки:

— Ты говорил, что ходишь в школу Хуэйлинь. Сколько иероглифов уже знаешь?

— Считаю сегодняшний день, я учусь всего два дня. «Троесловие» и «Тысячесловие» я почти запомнил, сегодня старший брат Сун помог мне еще с десятком знаков.

Старый ученик так и замер с открытым ртом:

— Всего два дня — и уже две книги на память?

Конечно, для настоящих экзаменов эти знания — капля в море, но выучить такой объем за два дня мог только истинный талант. Старик повернулся к малышу:

— А ты? Как твои успехи?

Горшочек выставил вперед ладошки и гордо вскинул подбородок:

— Горшочек знает десять строчек!

— Что ж, и десять — неплохо, — усмехнулся мастер.

Он прочел им «Песнь девяти девяток». Увидев, что Вэй Чэн схватывает всё на лету, он не стал повторяться. «Песнь» была складной и легкой, так что братья быстро её освоили.

Затем старик достал большие, пожелтевшие от времени счёты:

— Смотрите сюда. В каждом ряду по семь костяшек. Две сверху, пять снизу. Посередине — перекадина. Две верхние костяшки — это пять единиц каждая. Те, что снизу — по единице. Понятно ли я объясняю?

Старик ловко щелкнул одной костяшкой сверху и двумя снизу:

— Сколько это будет?

Вэй Чэн еще не успел открыть рот, как Горшочек звонко пролепетал:

— Семь!

Мастер улыбнулся и снова защелкал костяшками:

— А теперь?

Мальчик, не отрывая глаз от счётов, махнул ручкой:

— Тринадцать бусинок!

Старик задумался. Он передвинул одну верхнюю костяшку, три нижних, а в соседнем ряду добавил еще несколько:

— А сейчас сколько?

Личико Горшочка стало предельно серьезным. Он сосредоточенно нахмурился и выпалил:

— Четырнадцать бусинок!

<http://bllate.org/book/15346/1412301>